

В поисках Великой венгрии

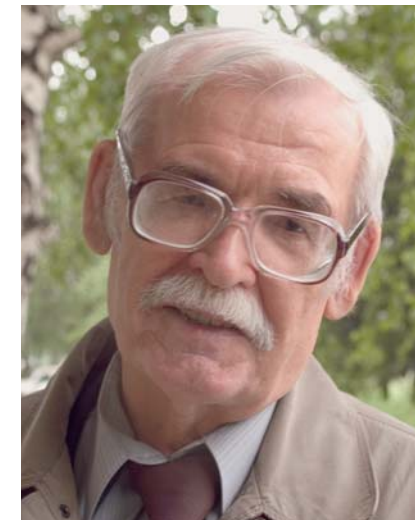
Схема мироздания.
Бронза, VI—IX вв. н. э. Релкинский
могильник в Среднем Приобье
(Томская обл.)

Культовое место Мис-хум-ойки. Фото А. Бауло

КОСАРЕВ Михаил Федорович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (Москва). Более 40 лет вел активные археолого-этнографические исследования. Опубликовал около 200 научных трудов, в том числе монографии «Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда», «Язычество Сибири» и др.

Научным наставником М. Ф. Косарева был Валерий Николаевич Чернецов — выдающийся археолог, этнограф, лингвист, крупнейший специалист по древней истории Западной Сибири. В этом году научная общественность отмечает 100-летие со дня рождения ученого.

Мы начинаем публикацию отдельных глав готовящейся к изданию исторической повести М. Ф. Косарева «В поисках Великой Венгрии». Произведение выполнено в необычном для ученого литературно-художественном жанре. При этом автор стремился не отступать от исторической правды.

Как объяснить такой неожиданный поворот в творчестве ученого? Во время археолого-этнографических работ в труднодоступных уголках Сибири автор смог представить и реально ощутить жизнь первобытных племен. Богатый полевой и исследовательский опыт, знание легенд и исторических сказаний помогли ученому увидеть за древними вещами мастерство их создателей, оценить культурные достижения и социально-экономическое состояние исследуемых обществ. Понять, к чему стремились люди, о чем думали, какие песни пели, какие сказки рассказывали, как любили и ненавидели, во что верили, в чем видели смысл своего существования.

...Шестнадцать веков отделяют нас от смутной поры тюркско-хуннских экспансий, вошедших в историю как «Великое переселение народов». Участниками событий той драматической эпохи стали многочисленные древнеугорские племена, жившие в Западной Сибири. История по-разному распорядилась их судьбами. Южные угры (современные венгры, или мадьяры) были захвачены хуннским нашествием, перенесли немало испытаний, не раз стояли на краю гибели и в конце концов переселились на средний Дунай. Северные угры, пройдя череду «расцветов» и «упадков», удержались на своей исконной земле — в таежном Обь-Иртышье и называют себя хантами и манси.

В основу книги положена «биография» одного таежного древнеугорского рода ас-яхов (род медведей),

вынужденного покинуть родные места. Люди стояли перед выбором: уйти на юг в поисках благодатных земель или остаться. Трагичность положения усугублялась тем, что они не могли знать наверняка, какой из этих путей ведет к спасению, а какой — к гибели. И нередко поступками племен и народов правил не столько разум, сколько необузданные страсти...

Книга наводит на мысль о цикличности исторических ситуаций. События давних веков во многом схожи с теми, что мы переживаем сейчас. Может быть, опыт прошлого предостережет нас от ошибок, допущенных нашими предками, и делает более мудрыми. Во имя жизни...

Северные самоеды (касы).

Бронзовая фигурка шамана. Первая половина I тыс. н. э. Ерыкаевский клад (Кемеровская обл.)

Шаманские бубны: 1 — алтайский, 2 — кетский

Бронзовая фигурка шамана. На рубеже эр. Река Напас (Томская обл.)

Убитый обско-угорский богатырь. Гравировка на блюде. Вторая половина 1 тыс. н. э., р. Сосьва (Свердловская обл.)

Сова. Наскальный рисунок. Хронологическая принадлежность неясна. Писаница на р. Томи (Кемеровская обл.)

Древние изображения медведя: 1 — хронологическая принадлежность неясна. Томская писаница; 2 — гравировка на бронзовой бляхе. На рубеже эр. (Тюменская обл.)

В иных мирах

Вечером следующего дня к Рачу, строгавшему на берегу весло для обласка, подошла жена Ньюляка. Сказала:

— Узнай у нижних духов, зачем лишили Ньюляка ручной силы, ножной силы. Какую плату хотят за душу?

Недуг поразил Ньюляка весной, после того как, напорвшись на корягу, провел ночь в ледяной озерной воде, держась за перевернутый обласок. Вначале болезнь временами отпускала, но промысловая удача покинула его. В лес пойдет — зверь убегает, птица улетает; сеть поставит — рыба ее боится, обходит стороной. Потом руки и ноги совсем отказались повиноваться ему.

Рач обещал прийти с наступлением темноты. Доделав весло, поднялся на яр, в зимнее жилище, где хранилось шаманское снаряжение. Долго сидел в одиночестве, пытаясь настроиться на общение с духами, но уверенность, необходимая перед началом камлания, не торопилась овладеть им.

Рач, как и все ас-яхские шаманы, умел отделять душу от тела, посылать ее в семь концов Земли, в Нижний и Верхний миры. Мог направить душу не только в иное пространство, но и в иное время — в Прошлое и Будущее. Шаманя, обретал способность видеть сквозь урманы, сноситься с духами трех миров, встречаться с тенями умерших сородичей. Если кто из его людей терял оберег или другой некрупный

предмет, то обращался к Рачу, и шаман ворожил первую половину ночи, а в начале второй утерянная вещь падала на пол сквозь дымовое отверстие.

Сначала противился принятию шаманского дара, из-за чего два года был терзаем духами за нежелание подчиниться божественному предопределению. Когда наконец духи вынудили его к согласию, то он, готовясь к своему первому камланию, велел отнести за реку малый семейный бубен, повесить на дерево. Взял свой бубен, колотушку, воскликнул:

— Если я шаман, назначенный богами, пусть по третьему удару

бубен, оставленный за рекою, войдет в мое жилище через дымовую дыру!

После третьего удара малый бубен с заречной стороны пал сверху к его ногам. И люди, видевшие это, сказали:

— Рач — шаман волею богов.

Эмдерские богатыри не любили шаманов, но не препятствовали им. Старый Сонгхуш, исполнявший в городе обязанности тонха — посредника между светлыми богатырями и солнцеликим Паирахтой, называл шаманов колдунами, знающимися с нечистой силой. Люди селений были не столь щепетильны. Кроме своих богов, они почитали и богатырского Паирахту, но под именем Орт-ики. Да и богатыри за два века пребывания в земле ас-яхов невольно переняли многое из местных верований.

...Наконец Рач почувствовал, что обрел внутреннюю силу. Теперь духи-помощники будут повиноваться ему. Взял бубен, колотушку. Достал из короба-корневатика железную шапку, шаманское платье со многими медными и железными подвесками в виде зверей, птиц, блестящих солнцеподобных и луноподобных блях.

следа. Облачился в шаманское платье, надел железную шапку. Взял разогретый бубен, велел потушить огонь.

Все исчезло в непроницаемой тьме. Послышались удары бубна — редкие, манящие. В лад им потекла шаманская песня — тихая, заунывная. Люди поняли: Рач созывает духов. Без их помощи шаман бессилен. Пение звучит громче, колотушка бьет чаще, звенят-гремят медные подвески — Рач пляшет шаманскую пляску. Звуки бубна мечутся из угла в угол, от стены к стене, падают на середину пола, поднимаются вверх к дымовой дыре, удаляются в сторону леса. Это шаман разыскивает задержавшихся духов, выводит их на прямую дорогу.

Первым прилетел быстрокрылый Орел. Заклекотал вопрошающе, устроился где-то у потолка, затих в ожидании дальнейших шаманских просьб.

Потом явилась Сова. Присутствующие узнали ее по особому маху крыльев — тревожному, как вздохи ночного ветра. Захотала злое: хо-хо-хо!

В жилище Ньюляка уже собрался народ. Большой лежал на нарах, с закрытыми глазами, бледный, недвижимый. Передав бубен Гынде для разогревания у огня, Рач сел на пол, попросил связать себя. Старший брат хозяина и еще один пожилой муж сняли опояски, крепко опутали сидящего по рукам и ногам. Рач лег на пол. Тишина наполнилась ожиданием. Вдруг шаман дико вскрикнул, опояски сами собой слетели с него, пали с неразвязанными узлами на Ньюляка; поднялся, выпил воды из поднесенного кем-то ковша.

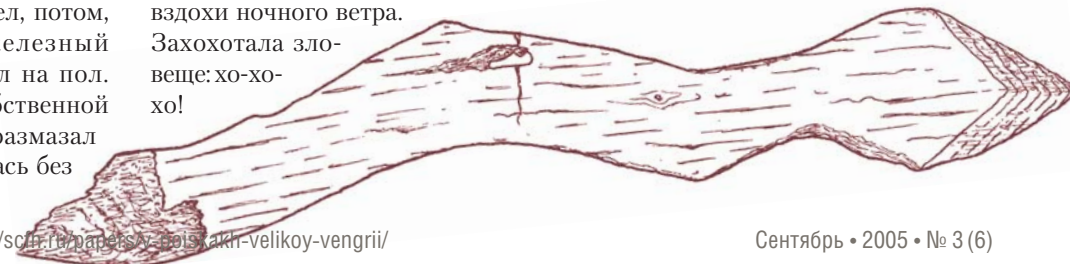
Дал Гынде длинный шаманский нож, подставил грудь. Тот, не посмев ослушаться, утопил лезвие меж ребер под левый сосок. Шаман предсмертно захрипел, потом, напрягшись, извлек железный клин за рукоять, бросил на пол. Нацедил пригоршню собственной крови, выпил, остатки размазал по груди, и рана затянулась без

Следом ввалился кто-то большой, лохматый, неповоротливый. Запытел, заворчал, облапил одну из женщин. Это — Урманый Старик.

Последней приползла Змея, возвестившая о себе пугающими шорохами, сердитым шипением. Все духи в сборе. Пора в путь. Плеснуло весло. Тьма наполнилась новыми звуками.

«Плыву, плыву, вниз по темной реке, — бьет в души людей страстный сопроводительный рассказ шамана. — Черная гагара с железным клювом летит. Крыльями бьет, путь заслоняет, меня и мой челн клюет. Орел, сразись с черной птицей, освободи мой путь!..»

Изображение змеи. Дерево. Хронологическая принадлежность неясна. Горбуновский торфяник близ Нижнего Тагила (Свердловская обл.)

Скульптурный женский портрет. Бронза. V—VIII вв. н.э. Шаманский Мыс (Томская обл.)

Ритуальная пляска обско-угорских воинов. В центре — фигура богатыря-военачальника. Гравировка на дне серебряного ковш. Вторая половина I тыс. н.э. Коцкий городок (Тобольская губ.)

Глиняная посуда из погребений южноугорской знати. II—IV вв. н.э. Сидоровский могильник в Среднем Прииртышье (Омская обл.)

Выкрики были все тише, речь все бессвязней. Снова наступила тишина. Темное безмолвие длилось весьма долго. Владеющий веслом успел бы достичь запертого моста и вернуться обратно. Присутствие шамана не ощущалось. Казалось, его нет здесь или он мертв.

Вдруг послышался клекот Орла, затем из земного нутра донеслись рычание Медведя, хохот Совы, шипение Змеи — сначала глухо, будто издали, затем ближе, громче. Люди услышали хриплый просящий шепот шамана:

— Оживите огонь...

Когда пламя растворило тьму, все увидели Рача, лежащего на полу, лицом вниз. Некоторое время был недвижим, затем шевельнул рукой, покачался, утверждаясь в стоячем положении, подошел к очагу. Кто-то подал воды. Жадно пил, судорожно прихватывая зубами край деревянной посуды. Грелся, обращая к костру то грудь, то спину, пока не унялась внутренняя и наружная дрожь. Повернулся к больному, заговорил:

«Духи Нижнего мира назвали мне причину твоего недуга.

Строя дом, ты без нужды, вопреки воле хозяев леса, валил многие живые деревья, хотя тебе ведомо, что у них есть сочащиеся жилы — вэл-лэм; если их перерубишь, дереву больно, оно плачет.

Найдя бобровое жилище, ты убил всех его обитателей, зная, что из каждого бобрового рода надлежит отпустить одного самца и одну самку,

Всадник тюрко-монгольского облика. Бронза. Середина или вторая половина I тыс. н.э. Шутовское культовое место на юге Нарымского Приобья (Томская обл.)

Глиняная скульптура южноугорской женщины. Первая половина I тыс. н.э. Рафайловское городище в Среднем Приобье (Тюменская обл.)

Рач привычно отыскал едва видимую в полусумерках тень Ньюляка.

дабы не перевелся на Земле славный бобрый народ.

Ты разорил гнездо бурундука, забрав весь зимний запас, и бурундук в отчаянии убил себя, защемив шею меж веток кедра.

Без меры и разума крючил осетровую молодь, и если упускал добычу, то в досаде и гневе изрыгал из хулящих уст нечистую слону, оскверняя священные воды великой Оби.

Ты рассердил духов трех миров. Через три дня ты умрешь, и никто не в силах удержать твою душу в твоём теле...»

Через три дня горестные вопли жены Ньюляка возвестили жителям Леул-пугла, что живое дыхание покинуло брненное тело ее супруга.

***

Ньюляк лежал на том месте, где умер, облаченный в праздничную одежду. Обряжая его, старики повредили платье, обрезали носы обуви. Правый сапог обули на левую ногу, левый — на правую. Иначе Патлам не примет его тень, потому что мир мертвых — зеркальное отражение мира живых. Все одежные и обувные завязки затянули мертвым узлом. Лицо прикрыли лоскутом оленьей шкуры, мехом вниз, пришили к ней на место глаз, носа, рта и ушей медные бляхи. Покойник не должен видеть, слышать и обонять окружающее: земной мир — уже не его мир.

Она недвижно висела над телом на высоте семи пядей, в той же позе, что и мертвец. Рач бросил взгляд на вдову Ньюляка, мастерицу из мягкой ткани и древесной плоти заместительное тело покойника. Как только кукла явит собою человеческое подобие, тень войдет в нее, как в дом, и будет жить там, то уходя, то возвращаясь, пока окончательно не переселится в Нижний мир.

Люди входили, молча рассаживались близ смертного ложа. Горестно вздыхали. Время от времени дряхлый старец, отец Ньюляка, клал в стоящие у головы покойного берестяные сосуды ягоды, мясо, рыбу, и каждый из присутствующих брал себе малую толику. Нечаянно оказавшиеся в Леул-пугле двое пожилых мужчин из рода Кедровки делали недалеко от входа гробовище из малого осинового обласка. Закончив, внесли гробовую колыбель в жилище, осторожно положили в нее мертвеца.

Бдение около покойника длилось всю ночь. Чтоб не скучал, по очереди сказывали сказки: о сотворении мира, о происхождении людей, о пришествии из далекой полуденной страны на землю ас-яхов светлых богатырских родов. Утром Рач укрепил над гробом длинный шест. За край его взялся один из мужчин. Сородичи стали спрашивать Ньюляка, по какой причине утратил душу:

— Не давал ли ложную клятву?

Муж, держащий жердь, попытался приподнять гроб, но тот даже не пошевелился.

— Не трогал ли на поселении мертвых вещей покойников?

Гроб по-прежнему был недвижим.

— Не украл ли твою душу чужеродный шаман — из личной нелюбви или по наущению врагов?

Гроб не удалось приподнять даже на полвершка: он будто прирос к нарам.

— Не ходил ли ты в заповедные урманные места, не убивал ли без нужды добычу, когда пушной зверь шенился там для продолжения своего рода?

Держащий шест ощутил исчезновение тяжести и легко приподнял гроб. Люди убедились, что нижние духи не обманули Рача: причиной смерти Ньюляка было нарушение им священных законов тайги.

Человеку при рождении боги дают две главные жизненные силы: душу-тень и душу-дыхание. После смерти душа-тень — илт — уходит в Нижний мир, в темную страну

Патлам. Душа-дыхание — лил — при жизни человека таится на голове в волосах, после смерти же улетает птичкой на небо, где живет до тех пор, пока не придет время вселиться в рожденного на земле младенца.

Человек жив, пока душа-тень и душа-дыхание (иначе душа-птица) живут в согласии. Как только оно нарушится, приходит болезнь. Если шаман не сумеет восстановить согласие, они расходятся в разные стороны, и наступает смерть, ибо душа-тень сама по себе обязана жить в Нижнем мире, а душа-птица должна переселиться на небо. Спустя время, в урочный час божественная Пугос вновь сводит их, и тогда на земле рождается новый человек. Если лил соединится в новом теле с прежней илт, то рожденный будет во всем похож на покойного сородича. Но такое случается крайне редко. Чаще сопрягаются илт и лил разных умерших, и тогда новая жизнь отлична от предыдущей. Так Пугос, супруга Нуми-Торума, предопределяет судьбы людей.

Мужчины протолкнули гроб с покойным ногами вперед, через заднюю стену, где перед тем выставили два срединных бревна. Сопровождаемые женским плачем и причитаниями, понесли на берег Эмдерской протоки к лодкам.

В доме осталось изображение Нюляка, новое вместилище тени,

ибо она долго еще будет навещать родных. Все это время рукотворному телу предстояло замещать умершего: днем сидеть на почетном месте, вкушая поставленные перед ним яства, ночью разделять ложе с супругою.

Смерть человека на земле есть его рождение в стране мертвых, но не в младенческом состоянии, а в том возрасте, в каком завершилась земная жизнь. Достигнув Нижнего мира, тень становится живою, земной мир теперь мыслится ею как мир теней.

Далее начинается обратная жизнь, так как время там течет не в будущее, а в прошлое. Тень все более молодеет: старец постепенно превращается в зрелого мужа, тот — в молодого человека, потом наступает юношеский возраст, юноша становится отроком, последний — младенцем. Тень продолжает уменьшаться и наконец исчезает из нижнего пространства в лоно земной жен-

Душа-птица:

- 1 — изображение на культовом сосуде. Глина. Середина II тыс. до н.э. Поселение Самусь-IV в низовьях р. Томи (Томская обл.);
- 2 — остяцкая тамга. VII—VIII вв. н.э.;
- 3 — бронза. IV—V вв. н.э. Парабельский клад (Томская обл.)

щины, где прорастает в виде внутриутробного младенца. В миг рождения Небесная Пугос посылает ему ждущую своей очереди лил — душу-дыхание.

Но чтобы все было так, как сказано, живущим на земле людям при провожании умерших сородичей надо строго соблюдать завещанные предками правила. Малейшее отступление от них — неположение в могилу нужной вещи, помещение покойника ногами не в ту сторону, нечеткость напутственной речи, разъяснявшей приметы дороги мертвых, равно как и другие нарушения, чреватые сбоями на пути к возрождению.

Это мешает тени закрепиться в стране мертвых, а то и вовсе не дает возможности попасть туда. Тогда она бродит неприкаянным мытарем по земле, тоскует, беспокоит живых сородичей, озлобляется и может нанести вред. Но самое главное — нарушается жизненный круговорот, что неизбежно влечет за собою сокращение и даже вымирание рода.

Особенно быстро возрождается умерший младенец, ибо повтор его земной жизни в стране мертвых не занимает много времени. Зная это, ас-яхи не хоронили младенцев в землю, а, поместив в зыбку, водружали на дерево, дабы предельно сократить душе-птичке, являвшей

Коллективное ритуальное песнопение. Гравировка на бронзовом зеркале. I тыс. н.э. (Тобольский округ)

собою живое дыхание, путь на небо и обратно. Можно было ускорить возрождение и взрослых покойников. Для этого следовало подвесить к крепкой ветви священной березы обласок с умершим и раскачивать его, наподобие колыбели, в полуденную сторону, три, семь или девять дней — смотря по возрасту умершего. Но нынешние ас-яхи знали об этом способе лишь из былин и преданий. Никто из живущих лелюских стариков не был очевидцем подобного обряда.

В земле ас-яхов встречались колдуны, способные оживить умершего. Однако они брались за это только в том случае, если считали, что человек умер раньше положенного срока. Колдун гасил огонь, ложился рядом с мертвецом, натягивал на себя край его смертного одеяла. Все остальные покидали помещение на три дня и три ночи: время достаточное, чтобы дойти до нижнего низа, исполнить там все необходимые дела и вернуться обратно. Достигнув Преисподней, колдун просил хозяина Нижнего мира вернуть душу умершего, поскольку жизнь его окончилась раньше установленного предела. Кынь-лунг самостоятельно расследовал спорное дело. Если убеждался, что истец прав, то мертвый человек оживал. Начиная разговаривать, сначала невнятно, потом более связно. Постепенно обретал полную жизненную силу. В конце третьего дня колдун вставал вместе с ожившим покойником, и оба выходили из жилища к ожидающим родственникам.

Рач относился к такому колдовству неодобрительно, считая оживление сродни убийству. Лишь верхние боги вправе вмешиваться в человеческую судьбу, так как никому из землян не дано понять истинной разницы между живым и мертвым, между рождением и смертью.

Гроб поставили в малую лодку, привязанную к корме большой. Последнюю заняли Рач, Гында и двое из рода Кедровки. Остальные сели в другие ладьи. Женщины остались на берегу. В земле ас-яхов мужчины погребали мужчин. Дети вовсе не допускались к участию в ритуале, потому что они больше, чем взрослые, подвержены злокозненным действиям тени, не желающей расставаться с земными привязанностями и всегда стремящейся увести в Патлам кого-нибудь из живых.

Кладбище располагалось на другой стороне Эмдерской протоки, ниже по течению. В согристой пойме возвышался чукас — материковый останец. На его плоской вершине род Медведя издавна хоронил своих покойников...

Доведя глубину могилы до двух локтей, копальщики выбрались на поверхность, подвинули гроб к краю ямы.

Железные мечи южных угров. Первые века I тыс. н.э.: 1 — Иркульский могильник в Нижнем Притоболье (Тюменская обл.); 2 — Богдановский могильник в Среднем Прииртыше (Омская обл.)

— Ешь и пей с нами, — сказал Рач, ставя у головы мертвеца блюдо с едой и чашу с питьем.

Ели и пили. Славили Нюляка как храброго охотника, меткого стрелка, удачливого рыболова. Никто не сказал ни слова о плохих поступках покойника, о нарушении им заповедей богов и обычаев предков. Насытившись, опустили гроб в могилу — ногами на север, чтобы тень, восстав, оказалась лицом к Патламу.

— Теперь ты умер, — напутствовал усопшего Рач. — Телу твоему суждено гнить в земле. Тень же уйдет тропую мертвых. Ее путь на полночь, наш путь на полдень. Пусть следует своей дорогой, не нашей.

Чудской экспорт.
1, 2 — шумящие привески. Бронза;
3 — топоры. Железо

Чудской человек. Бронза. Середина
I тыс. н.э. (Пермская губ.)

не отвечали, и Ньюляку казалось, что его вопросы смущают их.

Подходила девочка-семилетка, садилась рядом, жалела, ласкала, заглядывала в глаза, и взор ее источал странную недетскую любовь. Потом, покинув тот дом, плыл Ньюляк вверх по реке. Девочка бежала за ним по берегу, плача и умоляя вернуться. Ньюляку было жаль ее, и он был готов повернуть обратно, но какая-то неведомая сила толкала вперед, двигала руками, держащими весло. Девочка все больше отставала, ее хватающий за сердце крик слабел и наконец затихал вдали.

Впереди, в туманной дымке, смутно виднелись какие-то строения — то ли город, то ли селение. Ньюляк упорно старался доплыть туда, не зная, что ждет его там, и страшась своей роковой устремленности. Выйдя из тумана, причаливал к пристани родного Леул-пугла и просыпался в собственном доме. Лишь перед самой смертью с внезапно озарившей ясностью понял, что плавания вверх и вниз — это метания между жизнью и смертью, а бегущая за лодкой девочка-семилетка — его мать, умершая шесть лет назад на сорок девятом году.*

Оторвавшись от разлагающегося тела, тень — илт — все лето юти-

*В Нижнем мире время течет в семь раз быстрее, чем в Среднем (за шесть земных лет в стране мертвых прошло сорок два года)

Железные клевцы.
IV—V вв. н.э.
Парабельский клад (Томская обл.)

лась на кладбище и окрест его. Сохотой посещала Леул-пугл и дом, где прежде жил Ньюляк. По приходе укрывалась в кукольном подобии умершего, наблюдала за близкими, слушала их разговоры, узнавала новости. Потом стало одолевать усугубляющееся тоскливое разочарование. Домашние жили живой жизнью, избегали говорить о мертвых, страшились болезни и смерти, неустанно ограждали себя от соприкосновения с темными силами. При всем внимании к заместительному двойнику, никто из родичей не испытывал любви к нему, а лишь почтительный страх. Вначале пар и запах, исходившие от горячей пищи, доставляли сытость и удовлетворение, затем стали раздражать, особенно когда вдова Ньюляка, обремененная домашними делами, стала опаздывать с жертвенным кормлением, ставя перед идолом, вмещающим илт ее мужа, остывшую еду.

...Могильная лодка неслась вниз по течению, опережая волну. Миновав эмдерское устье, полетела, едва касаясь воды, к ближайшему обскому плесу. Застыла у прибрежной косы. Переступив борт, тень пошла песчаной рябью, не оставляя следов. Над краем болота висело низкое серое облако, непрерывно меняющее

Железный шлем.
Южные угры.
Первая половина
I тыс. н.э.
Исаковский могильник (Омская обл.).
Реконструкция Л.И. Погодина.

очертания. С приближением души Ньюляка обрело вид человекоподобного призрака.

— Я Патлам-аи-лунг — Младший Дух Темной Стороны, призванный опекать тени людей, лишенных права на возрождение. Я провожу тебя в мир могильных душ. Но прежде спроси о том, чего не знаешь.

— Долог ли путь в глубь Преисподней?

— Для идущего в страну теней нет разницы между мигом и вечностью. Я выведу тебя на тропу, соединяющую миры, и ты пойдешь вдоль пределов трех пространств, пограничью прошлого и будущего.

— Встречу ли я кого-нибудь на своем пути лицом к лицу?

— На тропе мертвых не бывает встречных. Все идут в одном направлении с замкнутыми устами, не оглядываясь назад.

— Пересекаются ли пути мертвых и живых?

— Живые не ходят этой дорогой, а если на перепутье измерений нечаянно ступит на нее, то в зависимости от расположения звезд и состояния души им бывают видения: или обитателей иных миров — богов и демонов, или выходцев из земного прошлого — менков, или пришельцев из земного будущего — миш. Теперь опусти руки и закрой глаза.

Тень исполнила веление Призрака и уви-

дела себя в ладье, подплывающей к незнакомой пристани. На берегу стоят в ожидании недавно умершие леулские старики. Ведут к селению в дом, полный разновозрастных детей, которые знают о ней все, а она не помнит никого из них, хотя черты лица многих кажутся знакомыми...

На «тропе мертвых». Бронза.
Середина I тыс. н.э.
(Пермская губ.)

